

УДК 82.091-1[821/111(83):821/161/3]

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА В ЛИРИКЕ Э. МИЛЛЕЙ И К. БУЙЛО

И.С. КРИШТОП

(Барановичский государственный университет)

Исследуется мотив одиночества в поэтических произведениях американского автора Эдны Миллей и представительницы белорусской литературы Констанция Буйло. Установлено, что данный мотив ситуативно обусловлен в пейзажной и любовной лирике и представлен в двух полярных ценностных измерениях – уединение (принимаемое одиночество) и вынужденное одиночество (одиночество среди людей).

Введение. Восприятие проблемы одиночества достаточно многообразно – от преклонения перед ним до его полного неприятия, от осознания необходимости для самопознания и творческого развития до понимания его как абсолютного проклятия [1; 2; 3]. Философская традиция осмысления одиночества имеет истоками труды Аврелия Августина, Паскаля, в сочинениях которых рассматриваются мотивы неизбежного земного одиночества. Платон и Аристотель определяли одиночество как зло, избавление от которого видели в наслаждении благом дружбы и любви.

Концепции американских трансценденталистов, среди которых видную роль играли философы, писатели, натуралисты Р. У. Эмерсон и Г. Д. Торо, утверждают максимальную независимость индивида от социума, т.к. полагают, что человеческая личность содержит в себе беспредельное духовное богатство. В известной книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) Г.Д. Торо показывает, что человек может установить связь с природой и универсумом (космосом), учитывая собственные силы и возможности [4]. Эта идея легла в основу трансценденталистской теории уединения. Существенно, что трансценденталисты первыми в истории западной мысли стали проводить различие между *одиночеством* и *уединением*, при этом основная позиция представителей вышеобозначенного направления, по мнению Е.В. Рыжаковой, выражается «в преобразовании отчужденного одиночества в состояние уединения, где возможна реализация индивидуальных творческих способностей» [5, с. 138].

Пожалуй, экзистенциальная традиция наиболее последовательно разрабатывает тему одиночества и связывает его с сутью человека (М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, Ж. П. Сартр, А. Камю и др.) [6]. В экзистенциализме одиночество личности становится «принципом замкнутого антропологического универсума, поэтому внутренняя изолированность человека – это основа любого индивидуального бытия как такового» [5, с.139]. Интерес мыслителей к одиночеству как онтологической проблеме неизбежно привел к ее интерпретации в литературных произведениях, являющиеся результатом своеобразного «одиночества» их авторов, в темнице которого «формируется истинная самость» [7, с. 45].

В первой половине XX века в американской литературе приобрела известность Эдна Сент-Винсент Миллей (1892 – 1950), став лауреатом Пулитцеровской премии в 1923 году за сборник «Сплетающая струны для арфы и другие стихотворения» (*The Harp-Weaver and Poems*, 1923). В 1943 году поэтесса награждена золотой медалью Американского поэтического общества. Ее поэтические работы наиболее полно демонстрируют нетрадиционную атмосферу и захватывающие изменения американского общества 20 – 30-х годов XX века. В комментарии Э. Аткинса (E. Atkins) отмечается, что поэзия Э. Миллей «полна лиризма и настроения, т.к. представляет новые грани женственности и <...> сфокусирована на выявлении амбивалентности социальных и культурных изменений» [8, с. 146].

Новыми темами и образами обогатила белорусскую лирику К. Буйло (Констанция Калечыц, 1893 – 1986). «Тварыць і кахаць» – эта поэтическая строка, вынесенная в название стихотворения, отражает пафос творчества представительницы белорусской литературы. Ровесница М. Богдановича и М. Горьцкого, поэтесса смогла найти свою отличительную интонацию, соединив «публицистичность общественно-патриотических мотивов и интимную лирику» [9, с.16].

Лирические произведения обеих поэтесс описывают конкретные переживания, включающие страх, отчаяние, тревогу, тоску, страсть и т.д. Цель данной работы – выявить своеобразие художественного воплощения мотива одиночества в лирике Э. Миллей и К. Буйло.

Материалы и методы исследования. В основу методологии исследования положен комплексный подход, основанный на принципах мотивного анализа текста, учитывающий историко-литературный и аксиологический аспекты, а также сравнительно-сопоставительный метод, поскольку любой феномен может быть осмыслен или «через раскрытие его собственной уникальной природы», или «через сопоставление с другими фактами и явлениями», что «позволяет более основательно рассмотреть оба» [10, с. 12]. Познание явления в таком случае не ограничивается определением его сходства или различия

с другими явлениями, поскольку имеет своей целью характеристику его внутренней сущности, которая в свою очередь может свидетельствовать о диалогичности искусства, проявляющейся в соприкосновении творческих систем разных авторов.

Материал исследования составили сборник К. Буйло «Курганная ветка» (1914) и стихотворения, напечатанные в газете «Наша ніва» (1909 – 1915); сборники Э. Миллей «Возрождение и другие стихотворения» («*Renascence and Other Poems*», 1917), «Несколько ягод с кустов чертополоха» («*A Few Figs from Thistles*», 1920), «Второй апрель» («*Second April*», 1921), «Сплетающая струны арфы и другие стихотворения» («*Harp-Weaver and Other Poems*», 1923).

Результаты исследования и их обсуждение. В лирике обеих поэтесс первостепенную значимость приобретают образы природы и пейзажные зарисовки, которые выступают в качестве иллюстраций собственных душевных состояний. Именно в пейзажной лирике К. Буйло с особенной силой выражается чувство родины. Лирической героиней неоднократно высказывается мысль о «прелести» *уединения* как необходимого условия постижения гармонии и красоты природы родного края, что в свою очередь противопоставлено *вынужденному одиночеству* не только человека, но и объекта мира природы: «*Як я лесам іду – на душы лёгка мне: / Я адна у лясной цішыне... / Тут між іх я люблю так хадзіць і хадзіць, / Слухаць толькі, што лес гаманіць. / Як з расою-слязінкай бярозка адна, / Як бы мужа схавалі жана, / Да зямлі валасы апусцішы, стаіць ...*» [11, с. 27].

Образ дороги достаточно част в пейзажной лирике Э. Миллей, и, как правило, «дорожные» стихотворения поэтессы пронизаны мотивом одиночества, которое содействует пространственному и духовному освоению жизни, нравственному и этическому выбору: «*I wish I could walk for a day and a night, / And find me at dawn in a desolate place / With never the rut of a road in sight...*» [12]. «Странствуя», лирическая героиня Э. Миллей не столько любит природу, а «заброшена» в нее, становится ее мыслящей и чувствующей частью. Таким образом, природа трансформируется в место постижения своей сущности, медитаций, гармонии и истинной красоты, а уединение, противопоставленное объективной социальной изоляции, – необходимое условие поиска пути собственного бытия, самооценки и самоатрибуции личности.

Вариация пути, более актуальная для творчества американской поэтессы, но и отмеченная в творчестве К. Буйло, – прогулка, которую лирические героини обеих поэтесс предпочитают совершать в одиночестве. Это дает возможность точнее воспринять изменчивость внешних пространств, проанализировать смену испытываемых эмоций и чувств, отстраниться от жизненной суеты:

*Dim, shady wood-roads, redolent of fern
And bayberry, that through sweet beviess
thread
Of round-faced roses, pink and petulant,
Look back and beckon ere they disappear.
Only my heart, only my heart responds.*

Е. Millay «Journey» [12]

*Тут між іх я люблю так хадзіць і хадзіць,
Слухаць толькі, што лес гаманіць.*

.....
*Тут люблю я глядзець, як дубочак з сасной
Ціха шэпты вядуць між сабой...*

К. Буйло «У лесе» [11, с. 27]

Преобладание вечерних и ночных пейзажей в творчестве обеих поэтесс указывает на их особое отношение к этому времени суток: ночь становится ценностно значимым явлением, т.к. способствует проявлению «ночного сознания – области внелогического восприятия реальности, интуитивного постижения тех зависимостей между явлениями, которые лежат вне причинно-следственных связей, вне рационального» [13, с. 42]. «Одинокое» пребывание в мире грез позволяет лирическим героям американской и белорусской поэтесс выстроить определенную модель времени. Например, в стихотворении «Дзяўчына» белорусской поэтессы мечты соотносятся с миром прошлого, описанного как нечто прекрасное, почти идеальное и вполне достижимое в настоящем. Таким образом, порождается условность, деконкретизация исторического и географического фона изображаемых событий. Сновидения в лирике Э. Миллей, как правило, получают негативную коннотацию и определяются как одинокие, полные тоски и горечи: «*Sorrowful dreams remembered after waking... / Desolate dreams pursue me out of sleep...*» [12]. Американская поэтесса противопоставляет активное дневное существование пассивности ночного одиночества, пронизанного печалью от неизбежного расставания с любимыми делами и друзьями.

В поэме «Возрождение» («*Renaissance*») американская поэтесса обращается к мотиву *блуждания одинокой души*, утратившей первичную гармонию и целостность, то есть актуализируется идея развоплощения (освобождения духа). Уединение связывается с необходимостью преодоления кризисной ситуации, причина которой – замкнутое пространство, соответствующее по описанию местности, где проходило взросление самой поэтессы. Смерть, описанная в произведении, репрезентует переход от «горизонтальной» (земной) протяженности к «вертикальной» (загробный и божественный миры) [14, с. 259 – 260], т.е. происходит освобо-

ждение души от рамки физического тела, и душа становится субъектом движения. Результатом самостоятельного (одинокого) движения души является открытие новых граней индивидуальности.

Мотив *вынужденного одиночества* становится основным в лирических произведениях Э. Миллей, описывающих смерть близкого/дорогого человека, боль от утраты которого не может быть возмещена ни красотой возрождающейся природы, ни творчеством, поскольку соотносится с крахом, быстротечностью, иллюзорностью, покинутостью, отдаленностью, страданием: «*Ashes am I of all that once I seemed*» («*The Suicide*»); «*I am not willing you should go / Into the earth ... / You leave me much against my will*» («*To S. M.*») [12]. В стихотворении К. Буйло «Шэрая гадзіна» мотив *вынужденного одиночества* среди людей доминирует, поскольку лирическая героиня чувствует себя чуждой, отличной от других в своих устремлениях и активной жизненной позиции, а потому исключается из духовного пространства окружающего мира. Такое положение оценивается отрицательно, поскольку наполнено щемящей тоской и сожалением. В результате концентрации внимания на собственном психологическом состоянии наблюдается своеобразная трансформация – расщепление лирической героини: она становится «не только субъектом-в-себе, но и субъектом-для-себя» [15, с. 147], т.е. начинает выполнять функцию и субъекта, и предмета изображения. Это решает проблему одиночества: «*I хочацца не раз, да болю, ўсё жыцці / Спазнаць, адчуць самой... / Узяць шчасце сваю з бою... / I ты стаіш адна... Адна з сваёй думою*» [11, с. 29]. В произведениях Э. Миллей «Дух» («*Wraith*») и «Самоубийство» («*The Suicide*») мотив одиночества вовлечен в лирическую ситуацию осознания онтологического статуса одиночества: «*And I came to be alone*»; «*Lonely I came, and I depart alone.*» [12] Также и в стихотворениях К. Буйло «Не глядзі...», «Адна», «Не могу...» одиночество лирической героини воспринимается как явление глобальное в своих масштабах, предполагающее сложный спектр взаимосвязей человека с окружающим миром: «*Адна, ізноў адна... А вецер думцы уторыць, / I стогнамі мяне ўцішае ён сваімі: / Я – брат табе, я друг, – мне, стогнучы, гаворыць, – / Адзін нас ломіць боль – дык плачмо ж разам мы!..*» [11, 44].

В произведениях К. Буйло, посвященных теме любви, «одинокая» рефлексия лирической героини основывается на сугубо интимных переживаниях, вызванных драматичным восприятием расставания с возлюбленным по причине некой фатальности: «*I сумна, сумна мне. Дзе ж той, каго любіла?*» [11, 44]. В тоже время поэтическая мысль стремится охватить безграничность мира и спроецировать его на человеческие чувства: «*Не глядзі!.. Я – ў сваю, / Ты ў сваю у старонку пайдзём; / Мы чужыя...*» [11, 40]. Судьба разводит двух людей, предназначенных друг другу, и это вызывает непонимание и печаль в душе лирической героини К. Буйло. Однако именно пребывание в одиноком состоянии способствует осознанию истинности чувства («... ў мяне не хопіць сілы / Вырваць з душы маёй і з сэрца майго»), которое сравнивается с бушующим морем: «*Як я цябе люблю – хай скажа мора, / Што ў грудзях маіх бушуе*» [11, с. 38]. В стихотворении «Адна» глубокое сожаление об утраченной любви интенсифицируется переживанием состояния вынужденного одиночества: «*Адна, ізноў адна, як колос той у полі / Не сцяты ў час жніва навостранным сярпом, / Зламаны ветрамі гулячымі на волі / Між апусцелых ніў, спалосканых дажджом*» [11, с. 44].

Героиня любовной лирики Э. Миллей воспринимает окружающую действительность и чувства как некую рамку, препятствующую в познании мира и себя, и даже собственное тело становится препятствием. Более того, состояние счастья от осознания взаимности чувства не может надолго удержать героиню рядом с другим человеком, т.к. приоритетными остаются укрепление духовного потенциала, социальное и творческое совершенствование личности: «*No, I will go alone. / I will come back when it's over. / Yes, of course I love you. / No, it will not be long*» [12].

Заключение. Мотив одиночества присутствует в лирических произведениях американской и белорусской поэтесс в самых разных формах: является как повторяемое и варьируемое отдельное слово; остается угадываемым либо ушедшим в подтекст; выступает в виде заглавия. Данный мотив ситуативно обусловлен и представлен в двух ценностных измерениях – уединение (принимаемое одиночество) и вынужденное одиночество (одиночество среди людей).

В лирике Э. Миллей и К. Буйло картины природы, дополненные мотивом уединения, передают напряженные психологические размышления, становясь медитативным «подтекстом» жизненных идеалов и устремлений. В пейзажной лирике К. Буйло уединение, обретаемое в пространстве малой родины, формирует представление о возвращении героини к национально-культурным истокам и преодолении внутренней разобщенности, в лирике Э. Миллей – сопряжено с философскими исканиями: уединение на лоне природы позволяет погрузиться в личностную рефлексия, предоставляющую потенциал для глубокого духовного развития, преодоления внутреннего кризиса. При этом уединение в творчестве и американской, и белорусской поэтесс противопоставлено вынужденному одиночеству, причины которого – хрупкость отношений и чувств, осознание смертности человека и быстротечности бытия.

Принадлежность поэтесс к разным культурам обусловила вариативность в интерпретации проблемы одиночества в любовной лирике: одиночество лирической героини К. Буйло локализовано ситуация-

ми вынужденного расставания и утратой чувства, для героини Э. Миллей приоритетным остается ощущение свободы творчества и реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н.А. Бердяев. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 266 с.
2. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – С. 222–318.
3. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М. : Изд-во полит. лит., 1990. – С. 319–344.
4. Thoreau, H.D. Walden or, Life in the Woods [Electronic resource] / H.D. Thoreau // The Internet Bookmobile, 1854. – Mode of access: eldritchpress.org. – Date of access: 15.04.2015.
5. Рыжакова, Е.В. Одиночество как философская проблема / Е.В. Рыжакова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Соц. науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 137–141.
6. Корчагина, С.Т. Генезис, виды и формы проявления одиночества : моногр. / С.Т. Корчагина. – М. : Моск. психолого-соц. институт, 2005. – 196 с.
7. Юрченко, М.А. Одиночество и уединение / М.А. Юрченко // Гуманитар. и соц. науки. – 2008. – № 3. – С. 40–47.
8. Atkins, E. Edna St. Vincent Millay and Her Times / E. Atkins. – Chicago : U of Chicago P, 1964. – 265 p.
9. Тарасюк, Л. Тварыць і кахаць / Л. Тарасюк // Роднае слова. – 1998. – № 6. – С. 16–21.
10. Шамякіна, Т.І. Міфалогія і беларуская літаратура / Т.І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 285 с.
11. Буйло, К. Выбранныя творы : у 2 т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 1 : Вершы. – 302 с.
12. Millay, E. Poems [Electronic resource] / E. Millay // The World's Poetry Archive. – Mode of access: http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/edna_st_vincent_millay_2004_9.pdf. – Date of access: 15.12.2008.
13. Горбовский, А.А. В круге вечного возвращения? Три гипотезы / А.А. Горбовский. – М. : Знание, 1989. – 48 с.
14. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука. – 1983. – С. 227–284.
15. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины : учеб. пособие / Л.В. Чернец [и др.] ; под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.

Поступила 21.06.2015

MOTIF 'LONELINESS' IN E. MILLAY AND K. BUJLO'S POETRY

I. KRISHTOP

The article is devoted to the study of functioning of the motif 'loneliness' in E. Millay and K. Bujlo's poetry. Considerable attention is paid to the comparative analysis that reveals the common features and unique meanings of the main variations of the motif – seclusion and forced isolation. The motif 'loneliness' helps the poets explore the confines of time and place, understand the power of human nature.